

ПОЕЗДКА К ОХОТСКИМ ЭВЕНКАМ И ЭВЕНАМ

Летом и осенью прошлого года я совершил поездку к охотским эвенкам при содействии Комиссии по проблемам Севера. Поездка была организована Институтом этнографии Академии наук СССР и имела целью сбор материалов о хозяйстве, культуре и быте эвенков Тугуро-Чумиканского и Аяно-Майского районов Хабаровского края. Попутно я побывал в Охотском районе, где живут эвены. Эвенков (тунгусов) в первых двух районах в 1954 г. насчитывалось около 2 тыс. человек, эвенов (ламутов) в Охотском районе — около 1 тыс. человек.

Большинство эвенков и эвенов объединено в колхозы и оседло живет в своих колхозных поселках. Во всех трех районах имеется 20 рыболовецких и 7 сельскохозяйственных колхозов. Как правило, населенный пункт — это колхоз и в то же время административная единица — сельсовет.

По национальному составу колхозы Охотского побережья являются смешанными. В таежных колхозах (Аяно-Майский район) преобладают эвенки, в прибрежных — основную массу колхозников составляет русское население. Из 13 рыболовецких артелей Охотского района эвенскими можно считать только 7 артелей, так как в четырех артелях совсем нет эвенов, а в двух эвенское население ограничивается 3—4 дворами.

Я посетил два сельскохозяйственных и два рыболовецких колхоза: сельхозартель им. III Интернационала (с. Удское) и рыболовецкую артель «Красная заря» (с. Алгазея) — в Тугуро-Чумиканском районе, сельхозартель «Рассвет» (с. Тотта) — в Аяно-Майском районе и рыболовецкую артель «Опыт» (с. Урак) — в Охотском районе.

В Удское я прибыл из Чумикана на катере, поднявшемся вверх по реке Уд. Селение это имеет довольно длительную историю. Русскими служилыми людьми и промышленниками здесь в 1682 г. был поставлен острог, многие годы являвшийся форпостом России в южной части Охотского побережья. Еще в начале прошлого века здесь была деревянная крепость с башнями и чугунными пушками; при Павле I здесь стояла рота солдат. Но к середине XIX в. значение Удского острога упало. Церковь, несколько складов, «юрты казаков» — на сопке, да «до десятка покосившихся от ветхости низких избышек» крестьян — на берегу Уда, запустение, косность, полуголодное существование — такую картину застал в 1852—1853 гг. автор «Сибирских писем» Н. Свербеев¹.

В годы Советской власти Удское как бы родилось вновь. Селение выросло, обстроилось новыми домами. Несмотря на огромное расстояние, отделяющее Удское от культурных центров страны, здесь звучит радио, имеются свежие газеты, журналы. У жителей маленького таежного селения нет чувства оторванности от Родины.

Нынешнее Удское — типичный для Охотского побережья поселок. В нем три-четыре десятка домов и около четырехсот человек населения. Здесь — сельсовет, правление колхоза, отделение связи, метеостанция, магазин, пункт «Заготпушینیны», семиклассная школа, клуб с библиотекой, медпункт, ветучасток, пекарня и баня. В колхозе в 1955 г. числилось 278 человек (месте с детьми и нетрудоспособными). Основная масса колхозников — эвенки и якуты.

Застроено Удское беспорядочно. В поселке только одна кривая и короткая улица. Дома — более или менее однотипные, состоящие из одной комнаты и сеней, с двускатной тесовой крышей. В домах эвенков сениная пристройка обычно отсутствует, концы бревен в венцах не опилены, в окна вставлена только одна рама. Последнее я наблюдал и в других эвенкийских поселках. Это странное в условиях холодного климата обстоятельство связано, очевидно, с тем, что зимой почти в каждом доме живет по две-три семьи колхозников и при двойных рамах было бы очень душно. Кирпичные печи имеются только в русских домах. Эвенки повсеместно пользуются железной печкой, устанавливаемой на кирпичное или глиняное основание.

Летом большинство эвенков и якутов переселяется из домов в «балаганы» и палатки на берег Уда, невдалеке от поселка. Балаганы — это небольшие прямоугольные сараи из тополевых плах и корья, устланные еловыми ветками. Слева от входа, завешенного куском материи, установлена железная печка. Вдоль стен сложены постели, одежда, посуда.

Охотское побережье — богатый в промысловом отношении край. Реки и море изобилуют рыбой, морскими животными. В тайге много пушного зверя, дичи, орехов и ягод. При рациональной постановке хозяйства эвенкийские колхозы могли бы иметь большие доходы. Но основное направление колхозов в ряде случаев выбрано неправильно. Взять хотя бы сельхозартель им. III Интернационала. Главными отраслями хозяйства артели считаются огородничество и животноводство. Однако в силу неблагоприятного климата, отсутствия удобрений и машин огороды дают мало дохода. Не приносит доходов и животноводство, так как местное сено малоопитательно, а концентрированных кормов колхоз не имеет. Надой молока низки. Колхозников выручают только пушной промысел и извоз (использование оленей на транспорте). Вывод напрашивается сам: надо развивать оленеводство. Оленеводство — традиционное занятие эвенков. Раньше оно имело подсобное, транспортное значение. Численность поголовья в силу этого была ограниченной. В колхозных условиях можно иметь больше стада оленей, а самому оленеводству придать продуктивное (мясо-шкурное) направление.

¹ Н. С. С в е р б е е в, Сибирские письма, «Вестник РГО», 1853, кн IV, стр. 101.

Между тем оленеводство в колхозе из года в год сокращается. На начало 1936 г. в Удском было 1012 голов оленей, в том числе 422 головы у колхозников, а в 1955 г. — 195 оленей, в том числе 30 в личной собственности у колхозников и 5 в двух единоличных хозяйствах. Районные организации, ориентируя колхоз на разведение крупного рогатого скота, забывают о том, что наиболее рациональное животноводство в условиях севера — это оленеводство.

Со слов стариков удалось выяснить, что в Удском проживают эвенки, принадлежавшие в прошлом к родам: Бетюн (эвенкийский род якутского происхождения), Бута, Лалыгир, Эдян-1, Эдян-2, Эдян-3 и Канагир (одна семья с Зеи). Молодые и даже средних лет эвенки не знают, к какому роду принадлежали их отцы. Эзюгами давно уже нет. В качестве пережитков прошлого сохранились: известная свобода половых отношений до брака, обычай взаимопомощи между многочисленными родственниками, несколько подчиненное положение женщины в семье и отчасти левираг.

Разложение родового уклада у удских эвенков началось еще до Октябрьской революции; это объясняется, повидимому, тем, что они с середины прошлого века жили в тесном контакте с якутами. Якуты в пределах Тугуро-Чумиканского района селились по берегу р. Уд. Главные населенные пункты, в которых они живут, — Чумикан, Неран и Удское. Якутское влияние оказалось настолько сильным, что эвенкийский язык почти полностью вытеснен здесь якутским. В Удском двое эвенков разговаривали при мне по-якутски. Когда я спросил их, почему они не разговаривают на родном языке, оба пожалы плечами и рассмеялись: им самим стало странно. Многие молодые эвенки родной язык знают плохо и как будто стыдятся его. Часть эвенков выдает себя за якутов.

За годы Советской власти на Охотском побережье произошла культурная революция. Безграмотное в прошлом, коренное население стало в большинстве своем грамотным. Почти в каждом поселке имеется школа, клуб, библиотека, изба-читальня. Многие молодые эвенки, окончившие семилетку, учатся в школах фельдшеро- и культпросветработников, в педучилище народов Севера в Николаевске-на-Амуре и на факультетах народов Севера — в пединституте им. Герцена в Ленинграде и в Хабаровском пединституте. Немало юношей продолжает свое образование в армии. Закончив учебу, эвенки возвращаются на работу в родные места. В Удском работают две учительницы-эвенки, окончившие Николаевское педучилище.

Сделано многое. Однако многое еще предстоит сделать. На фоне больших успехов заметно выступают недостатки в культурно-воспитательной работе среди коренного населения. Райисполкомы плохо заботятся о кинообслуживании эвенкийских поселков, об оживлении клубной работы, редко присылают к эвенкам лекторов. Местное радио не ведет передач на эвенкийском языке. Нельзя не отметить, что в культурном отношении значительная часть эвенков развита еще довольно слабо. Редко где мне доводилось видеть в их домах книги, не считая учебников. «Нет привычки читать», — говорит заведующая удской школой Е. А. Диодорова. Мало еще советских и хозяйственных работников из числа эвенков. В Удском председатель и секретарь сельсовета — якуты, председатель и счетовод колхоза — русские.

Из Удского я спустился на оморочке до Алгазеи и неделю провел в рыболовецкой артели «Красная заря».

Алгазея — новый поселок, выросший в ходе оседания местной кочевой группы эвенков. Лет пятнадцать назад здесь было два или три маленьких домика. Сейчас в Алгазее около трех десятков домов, школа, фельдшерский пункт, клуб, магазин. Поселок расположен в лесу. Между домами еще торчат пни и растут кусты дикой малины. Балаганов в Алгазее нет. Летом вся жизнь здешних эвенков проходит во дворе дома. Тут вы найдете неизменную железную печку, на которой готовится пища, палатку и полог для спанья, нарты, шкуры и разную хозяйственную утварь. На ограде у печки обычно сушится несколько тонких полосок кеты. Это — юкола.

Материально алгазенские колхозники живут лучше удских. Основная отрасль хозяйства артели — рыболовство; огородничество и животноводство являются здесь лишь подсобными отраслями. Летом почти все мужчины живут на рыбалке в устье Уда. В поселке остаются женщины, дети и старики. Женщины работают на колхозном огороде, шьют одежду, запасают юколу. Зимой большинство мужчин отправляется на пушной промысел. Так как жилищ в поселке не хватает, охотники иногда забирают с собой жен и детей. Дети школьного возраста остаются в поселке у родственников.

Как и в Удском, большинство здешних эвенков не помнит названия своего бывшего рода. На вопрос, какого он рода, средних лет эвенк невозмутимо отвечает: «эвенки». Когда же переводчик втолкует ему суть дела, раздается смех. С помощью секретаря сельсовета Е. Д. Гермогеновой удалось установить, что алгазенские эвенки в подавляющей массе принадлежат к роду Бута. Далее идут роды: Бетюн, Эдян (подразделение выяснить не удалось) и Лалыгир. В колхозе имеются также четыре ульчских и три русских двора. Эвенкийских дворов — 36.

Из Чумикана я переехал в Николаевск. Затем добрался на пароходе до Аяна, а оттуда с двумя эвенками из тоттенской сельхозартели «Рассвет» отправился в поселок Тотту. Путь оказался чрезвычайно тяжелым. Топи, бесчисленные ручьи и сопки, труднопроходимые заросли цепких кустарников, два перевала через хребет Джуг-Джур следовали одно за другим. 240 км пути мы прошли за 9 суток.

В 1931 г. в Тотте не было ни одного дома; были лишь сложены бревна для строительства школы. Теперь Тотта как поселок мало чем отличается от описанных выше.

В поселке три части, отделенные друг от друга густыми зарослями молодой лиственницы: «Сахалин», «Камчатка» и «Деревня». «Деревня» — это центр, где находится сельсовет, правление колхоза, отделенные связи и пр.

Колхоз, созданный в 1936 г., занимается огородничеством, животноводством, оленеводством, рыболовством и пушным промыслом. Несмотря на то, что главными отраслями хозяйства считаются огородничество и животноводство, основные доходы колхозники получают от оленеводства, охоты и рыболовства. Здесь, как и в Удском, правильно определено направление хозяйства артели.

1955 год был для тоттенцев трудным. Ввиду того, что рыбы было мало (ходу рыбы помешал лед, забивший устья рек), колхозники на рыбалке ничего не заработали и с нетерпением ожидали выхода на пушной промысел. Колхоз ничем не мог им помочь, так как сам оказался в тяжелом финансовом положении, закупив по рекомендации райисполкома партию холмогорских и симментальских коров. В августе, к тому же, на р. Челасни, протекающей возле Тотты, произошло наводнение, смывшее посевы картофеля и заготовленное к тому времени сено. В 8 км от Тотты, по дороге туда, я видел несколько палаток и чумов, в которых жили женщины и старики, занимавшиеся сбором кедровых орехов и брусники. Орехи и ягоды они сдавали в райкооп (магазин), чтобы на вырученные деньги приобрести продукты. Большинство трудоспособного населения во главе с председателем колхоза в это время усиленно косило сено на одном из колхозных участков — в 65 км от поселка.

Разведение крупного рогатого скота — малорентабельная отрасль хозяйства в местных условиях. Породистый скот, завезенный колхозом, дает молока не больше, а меньше, чем коровы так называемой якутской породы, которых издавна держат здешние жители. Несомненно, что если бы в качестве главной отрасли хозяйства колхоз развивал продуктивное оленеводство (а возможности для этого есть: в колхозе около 3000 оленей), то такие случайности, как неудачная путина и наводнение, не смогли бы подорвать его благосостояния.

В Тотте довольно хорошо сохранились традиционные черты эвенкийской культуры. Здесь можно увидеть конический шалаш «утан», крытый корой лиственницы (он служит летним жилищем), полукруглый лабаз на пнях или столбиках, седла, украшенные бисером, старинную одежду — оленью доху, ноговицы, унты. Каждый совершеннолетний знает, из какого рода он происходит. До сих пор строго соблюдается экзогамия. Сохраняется запрет убивать некоторых птиц. Бытуют пережитки культа природы, проявляющиеся в украшении деревьев, «кормлении» огня и т. д. Определенное влияние на семейную и общественную жизнь оказывают старики. Так, на вопрос, почему он не может жениться, на ком хочет, мой проводник ответил: «Старики не позволяют».

В Тотте представлены следующие роды эвенков (в порядке преобладания): Макагир, Элян-2, Кюрбюгус, Эдиган, Элян-1, Сологон (две семьи) и Бута (одна семья). Большинство называло мне также род Коныга, относя к нему председателя колхоза Федора Лукича Бубякина и колхозника Николая Захарова. Но некоторые отрицали существование такого рода, указывая, что «коныга» означает «метис», «помесь».

Вопрос о роде Коныга весьма сложен. В официальных документах такой род не зафиксирован. Впервые (в 1913 г.) о нем упоминает исследователь быта приаянских тунгусов Э. К. Пекарский. Он пишет, что коныга — «часть макагирцев» — бродят вместе с эжигенцами (Эдиган) и бетюнцами в Удском крае². К. М. Мыльникова и В. И. Цинциус, ссылаясь на упомянутых авторов, также рассматривают Коныга как особый род, существовавший у эвенков в прошлом. По преданию, записанному Мыльниковой и Цинциусом слов одного верхнеамгунского тунгуса, Коныга жили в районе Бурукана (на р. Тугур). Это был большой род. Начав вымирать, Коныга попросили живших среди них макагирцев принять их в свой род. Макагирцы удовлетворили их просьбу, и Коныга сделались частью рода Макагир³. Между тем сами макагирцы не считали Коныга частью своего рода. По их словам род Макагир никогда не жил на Тугуре. И наконец, все тоттенцы сходятся на том, что Коныга пришли с Алдана.

Наиболее правдоподобной мне представляется точка зрения тех, кто рассматривает коныга как метисов. Один из двух теттенских коныга, Н. Захаров, по внешнему виду типичный тунгус. Зато другой коныга, Ф. Л. Бубякин, больше похож на русского, чем на эвенка, довольно чисто говорит по-русски и, повидимому, — не очень чисто по-эвенкийски. Дети его, несмотря на то, что мать у них эвенка, тоже заметно отличаются от остальных тоттенцев: у них светлая кожа, не очень темные волосы, более высокий нос, менее широкое лицо и т. д. К сожалению, побеседовать ни с Бубякиным, ни с Захаровым мне не удалось, так как оба были заняты на сенокосе.

Подтверждение этой точки зрения можно найти у Я. В. Стефановича. В своих путевых наблюдениях (1894 г.) он описывает встречу с тунгусом Лукой Бубякиным в устье Юдомы. Никаких сомнений, что Лука Бубякин — отец Федора Лукича, быть не может. Стефанович пишет, что черты лица Луки Бубякина «не имеют ничего общего с монгольским типом. Мать его амгинская крестьянка, а жена русская из Усть-Майского селенья, основанного в 1860-х гг.». Далее автор указывает, что 2-й Эженский

² Э. К. Пекарский и В. П. Цветков, Очерки быта приаянских тунгусов, СПб., 1913, стр. 98.

³ К. М. Мыльникова и В. И. Цинциус, Материалы по исследованию негидальского языка, «Тунгусский сборник», № 1, Л., 1931, стр. 118.

наслег (т. е. род Эдян-2) избрал Луку Бубякина своим старостой, заставив его тем самым переселиться с Алдана⁴. О родовой принадлежности Бубякина Стефанович не говорит, но, судя по избранию Бубякина старостой, он принадлежал к роду Эдян-2.

Таким образом, «коныга» Ф. Л. Бубякин более связан с родом Эдян-2, чем с родом Макагир, по происхождению является метисом, а по месту жительства предков — выходцем с Алдана. Наиболее вероятно, что коныга — это алданские эвенки, перемешавшиеся с якутами и русскими.

В этническом отношении тоттенские и другие, живущие на север от линии Аян — Нелькан, эвенки не смешивают себя с эвенками, живущими на юг от этой линии, т. е. с эвенками Тугуро-Чумиканского района и Маймаканского сельсовета Аяно-Майского района. Ядром северной группы является род Макагир, ядром южной — род Бута. Эвенков южной группы тоттенцы называют бутальцами. Между обеими группами существуют некоторые этнографические различия. В Удском, например, летним жилищем является прямоугольный «балаган»; в Тотте — конический «утан». В Удском делают деревянные долбленые лодки («оморочки»); в Тотте — берестяные («ветки»). У тугуро-чумиканских эвенков левират был законным явлением; тоттенцы категорически отрицают самую возможность существования у них левирата, так как, по их обычаю, жена брата, равно как и семья ее, являются для другого брата «близкой родней». Заметно и языковое различие. И. Г. Сотов (Бута), шедший вместе со мной от Аяна до Тотты, в разговоре с тоттенцами вынужден был «переводить» некоторые слова на местный диалект, так как они были непонятны для тоттенских эвенков. Упомянутый выше Олесов рассказывал мне, что один из чумиканских эвенков, с которым ему довелось иметь дело, заметил ему, что он говорит «по-макагирски».

Тоттенцы не смешивают себя и с эвенками, живущими в Охотском районе. Однако они не считают, что эвенки — это особый народ, как у нас иногда принято думать. Тоттенские эвенки, издавна связанные брачными и иными связями с ульинскими эвенками, считают, что они и ульинцы — это один народ, имеющий общее происхождение, одинаковый образ жизни и родственные языки. Характерно, что эвенкам неизвестно даже само понятие «эвенки»: эвенки они называют килы — по имени одного из четырех родов эвенков Охотского района. Языковые различия существуют, конечно, и даже в большей степени, чем различия между макагирцами и бутальцами, но не в такой мере, когда исключается взаимное понимание. По словам тоттенцев, их старики и сейчас еще свободно изъясняются со своими соседями с р. Удыя.

Эвенки, живущие по р. Мая ниже Нелькана, как и удские эвенки, сильно объекутились. Начиная с середины прошлого века, русская администрация селила якутов по Мае для обслуживания тракта Якутск — Аян. За сто лет майские эвенки объекутились как в хозяйственном, так и в языковом отношении. В Нелькане и Аиме большинство эвенков говорит сейчас по-якутски.

В конце сентября в Тотте пошел снег и уже не растаял. Несколько охотников вышло на разведку — смотреть белку. 5 октября, когда я тронулся в обратный путь, в «захребетной части» района стояла уже настоящая зима. Однако за вторым перевалом нас снова встретило «лето» — усыпанная хвоей земля, голые камни и сверкающие ручьи.

18 октября я прибыл в Охотск. За последние годы поселок заметно изменился. В 1952 г. это был небольшой поселок, чуть ли не из центра которого были видны на берегу моря кунгасы. По улицам, усыпанным галькой, с трудом передвигалось несколько грузовиков. Теперь Охотск стал настоящим городом. Проложены новые улицы. Выросли целые кварталы домов. Ходит автобус. Автомобилей стало так много, что непослушная галька сдалась, укаталась в твердые, точно гудронированные, колеи. Жизнь на улицах и в порту бьет ключом. По всему видно, что Охотск растет, развивается. Это — центр рыбной промышленности всего побережья.

Я посетил находящуюся недалеко от Охотска рыболовецкую артель «Опыт» (с. Урак). Этот колхоз имеет миллионные доходы: его недельный фонд составляет 1200 тыс. рублей. Колхозники (эвенки, якуты и русские) живут зажиточнее, чем в описанных выше эвенкийских колхозах. Дома здесь крепче, добротнее, домашняя обстановка лучше и разнообразнее. Но, как ни странно, и здесь не хватает жилых домов: на 63 колхозных двора приходится всего 38 домов. «Некому лес возить», — говорит председатель артели А. Н. Любин. Многоотраслевое хозяйство артели целиком поглощает ее рабочие руки, на жилищное строительство не остается свободного времени.

Основные доходы артели поступают от рыболовства. Зимой несколько колхозников занимаются также пушным промыслом. Огородничество и животноводство, составляющие подсобное хозяйство артели, дохода почти не приносят и назначения своего не оправдывают. Оленеводство в колхозе не развивается. Когда-то здесь было до 3000 оленей; теперь их осталось 60, да и тех правление собирается ликвидировать: грузо-перевозки в Охотском районе осуществляются механическим транспортом, а охотники выходят на пушной промысел с собачьей упряжкой. Держать же в тайге пастухов колхозу не выгодно.

Большие стада оленей сохранились в шести других рыболовецких артелях Охотского района. На базе оленьих стад трех ближайших к Охотску колхозов райисполком решил организовать отдельный оленеводческий колхоз. Вступить в него выразило же-

⁴ Я. В. Стефанович, От Якутска до Аяна. Путевые наблюдения (аянская экспедиция 1894 года), Иркутск, 1896, стр. 49.

лание подавляющее большинство эвенков из упомянутых рыболовецких артелей. Это показывает, что главной отраслью национальных колхозов во всех районах Охотского побережья должно быть продуктивное оленеводство в сочетании с пушным промыслом.

Таковы, вкратце, мои впечатления от поездки на Охотское побережье. Собранные во время поездки материалы будут использованы в специальной работе, посвященной истории и этнографии охотских эвенков.

В. А. Туголуков

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В АРМЕНИИ В ПЯТОМ И ШЕСТОМ ПЯТИЛЕТИЯХ

Этнографы Советской Армении в годы пятой пятилетки (1951—1955) продолжали сбор полевых материалов и их изучение. Новым в этот период был поворот в сторону исследования современного быта и культуры народа.

Если прежде этнографы обращались к современному быту только с целью обнаружения в нем пережитков родового строя и других элементов архаики, то в последние годы на первый план выдвинулось изучение современного быта, как такового, во взаимосвязи его с другими общественными явлениями советской действительности.

Однако невозможно освещать отдельные явления в современном быту, если не изучать их с исторической точки зрения.

В советский период изменения в быту происходят гораздо быстрее, чем это имело место до Октябрьской революции, но многие явления еще находятся на поверхности и только после продолжительного промежутка времени займут в нем прочное место. Все эти явления рассматриваются этнографами Армении в процессе становления нового, преодоления пережитков старого и сохранения лучших национальных традиций.

За годы прошедшей пятилетки этнографы Советской Армении работали над рядом важных тем, координируя некоторые из них с другими этнографическими учреждениями страны при посредстве Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР в Москве.

Были разработаны некоторые основные вопросы, касающиеся быта и культуры рабочих и колхозников Советской Армении: их хозяйственная и общественная жизнь, семья, типы жилища, одежды и пр.

При широком охвате этих вопросов в территориальном и тематическом отношении трудность заключалась в том, что за предшествующий советский период армянскими этнографами не была проделана необходимая подготовительная работа по изучению отдельных этнографических районов республики и отдельных сторон быта.

В значительной части это объясняется малочисленностью этнографов в Армении. Все же за последние годы на основе материалов, собранных в различных этнографических районах Армении, были написаны очерки для тома «Народы Кавказа» в серийном издании «Народы мира» Института этнографии АН СССР («Быт армянских рабочих до революции и в советский период» Э. Т. Карапетян, «Быт колхозного крестьянства Армении» В. А. Бдяна и Д. С. Вардумяна¹, «Быт курдов» А. Авдала) и работа «Семья и семейный быт колхозного крестьянства Армении» Э. Т. Карапетян и Д. С. Вардумяна, вошедшая в сборник «Семья и семейный быт народов СССР», подготовляемый Институтом этнографии АН СССР совместно с этнографическими учреждениями союзных республик.

Обсуждение этих работ в Москве, в широком кругу специалистов, показало, что в целом удалось обобщить материал о новом быте, избежав поверхностности. Ряд исследований был посвящен отдельным этнографическим районам или темам («Новый быт и культура рабочих текстильной промышленности Армении» В. С. Темурчяна, «Быт рабочих Ереванского станкостроительного завода имени Дзержинского» Э. Т. Карапетян, «Колхозный быт лорийцев» Д. С. Вардумяна²).

Историко-этнографический характер носят работы «Животноводство в Армении» и «Ковроделение в Армении» В. С. Темурчяна³, «Армянские игры» В. А. Бдяна и М. Мамиконяна; вопросам семьи посвящены работа «Семейные и родственные отношения армян Арташата» В. А. Бдяна и находящаяся в стадии завершения работа Э. Т. Карапетян «Армянская большая семья». А. Авдалом закончена монография «Быт курдов Закавказья до революции и в советский период».

Признавая известный сдвиг в работе этнографов Армении, следовало бы остановиться на некоторых типичных недостатках этнографических работ последних лет.

В работах о новом быте и культуре замечается еще некоторое приукрашивание действительности. Между тем, нужно сказать, что в процессе коренного социалистического преобразования быта население иногда отказывается, наряду с вредными пере-

¹ Д. С. Вардумяном в конце 1956 г. должна быть завершена монография «Современный быт крестьян Армении».

² Последняя работа опубликована: Д. В а р д у м я н, Новый быт лорийцев, Ереван, 1956 (на армянском языке).

³ Вторая работа опубликована в 1955 г. в г. Ереване (на армянском языке).